

Оглавление

Моя прекрасная повариха	5
Самый вкусный пирог в мире	257
Черничная ведьма, или Все о десертах и любви	479

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ПОВАРИХА

Глава 1

Фьярви

Все портила зеленка — жидкость, которой мажут эльфийских детей при ветряной лихорадке. Без россыпи ее пятен на лице и руках маленькая девочка была бы похожа на куклу в розовом платье.

— Не буду! — заявила она, готовясь разреветься. Завитые золотые локоны задрожали. — Не буду я с вами играть!

Но Дархановых пацанов так просто не возьмешь. Если Нар и Очир решали, что им что-то нужно, то от них было не отбиться. Вот и сейчас они крутились возле входа в гостиницу и искали, где бы еще напроказить. Как правило, все их игры заканчивал отцовский ремень.

— Ну как не будешь? — деловито произнес Нар. Его круглолицая физиономия так и лучилась энергичным нетерпением. — Мы хотим играть в Алтын-Баатора, Золотого Богатыря. А ты будешь прекрасная орчиная принцесса Гарухта.

— Ты совсем зеленая! — добавил Очир. — Ты орчиха уже!

Девчушка разревелась от обиды и прижалась к маме.

Эльфийка была высоченная, тонкая, как веточка, и такая рыжая, что глаза начинали болеть. Одежда была, конечно, не эльфийская. Никаких дорогих тканей, золотого шитья, самоцветов светлее блеска звезд. Простая синяя рубашка, темные штаны, аккуратные туфли, выдавшие лучшие времена.

Бедствуют. Ни один эльф не придет искать работу у гнома, если не дошел до крайней нищеты.

— Ну ладно тебе, пошли играть! — не отставал Нар. — Поиграем и пойдем накопаем червяков для ежа. Тут знаешь, какой еж? Ух! Он крысу задавил, я сам видел.

Но девочку еж не впечатлил.

Я подошел, стараясь придать себе спокойный и деловой вид, и осведомился:

— Вы ко мне?

Эльфийка окинула меня хмурым оценивающим взглядом. Да, она в нищете. Это видно по осунувшемуся лицу и проступающим венам на натруженных руках.

— Если вы Фьярви Эрикссон, то к вам, — ответила она и вынула из кармана штанов сложенный вчетверо листок объявления. — Вам нужна повариха?

Из проулка вышел Дархан, отряхивая руки, — сразу ясно: исправлял какую-то утреннюю каверзу своих ребят. Он увидел эльфийку, и у него сразу же сделался глуповатый вид. Даже зеленая кожа слегка посветлела.

— А ну! — привычно прикрикнул он, и мальчишки сделали шаг в сторону. — Ухи оборву!

Про обрывание ух он говорил каждый день, по вечерам воплощал в жизнь, но я не видел, чтобы из этого был особенный толк.

Эльфийка посмотрела так, что Дархан замер и заулыбался, словно его ясное солнышко согрело.

— Да, я Фьярви Эрикссон, — ответил я. — Да, повариха нужна, Пекка сегодня работает последний день. Умеете готовить?

Красивое лицо, словно выточенное из слоновой кости, едва заметно дрогнуло. Кажется, эльфийка натерпелась и навидалась всякого.

Мне даже стало жаль ее, но я быстро убрал жалость дальше. Ее народ не жалел гномов, когда изгонял из Благословенного края. Вот пусть теперь сами справляются с подземной гнилью и тварями, кушают полными ложками.

Впрочем, не стоит издеваться над теми, кому и так плохо.

— Умею, — кивнула эльфийка. — Меня зовут Азора Палевеллин, а это моя дочь Глория.

Я кивнул и осведомился:

— Яичницу с беконом поджарить сможете?

Азора кивнула с прежним достоинством. Я невольно задумался, кем она была в своем мире.

— Вот и отлично. Поджарьте, я голоден. Дархан покажет, куда идти. Это ваши вещи?

В ногах Азоры лежала сумка. Да, они действительно беженцы. Бежали в чем были. Удивительно, что девочка наряжена как кукла.

Дархан заулыбался, словно ему оказали великую честь. Неудивительно.

— Да, наши, — с достоинством кивнула эльфийка.

Все-таки они обаятельные стервы. Я поймал себя на том, что уголки губ начали подрагивать, разъезжаясь в улыбку.

— Несите внутрь, пока оставите в холле, — сухо добавил я. — Жду вашу яичницу.

Если вы управляете гостиницей, то у вас всегда будет уйма дел. Вскоре пришел Дархан, и несколько минут я слушал его отчет. Ночь прошла спокойно. Никто не напился, не буянил, не желал странного за счет гостиницы. Вот и слава Глубинному Червю.

— Те инженеры из Кавентона съехали в пять утра, — сообщил Дархан и со вздохом добавил: — Эльфы, шеф. Три номера. Заезд в полдень, как раз к обеду.

— Эльфы, — со вздохом кивнул я. — Три номера, чтоб их.

Как все гномы и орки, мы с Дарханом терпеть не могли эльфов, и не потому, что они изгнали нас из Благословенного края. Когда у тебя гостиница, то ты с удовольствием примешь любых постояльцев, лишь бы они платили. Но с эльфами хлопот всегда было больше, чем толку. Как вы думаете, почему из холла убрали рояль? Потому что некоторые дивно время провели. Их, конечно, оштрафовали, полиция помогла внести их в черный список по всему региону, но это было слабое утешение.

А еще по вечерам они притаскивали с собой шлюх. Настолько уродливых, что я всегда этому поражался. Дархан считал, что после деликатесов всегда тянет на соленый огурец, маринованный чеснок или лапшу быстрого пригото-

ния, и поэтому красавцы в шелках и бархате тратят деньги на страшилищ.

— Я уже позвонил в полицию на всякий случай, — сообщил Дархан. — Шеф Гемини сказал, что приедет и примет их в лучшем виде.

В дверь постучали. Дархан открыл — вошла Азора с подносом, аккуратно поставила на стол и встала чуть в стороне.

Запах... Запах был таким, что волосы начинали шевелиться, а все тело замирало в предчувствии чуда. Я и подумать не мог, что простая яичница с беконом может так пахнуть: тепло, ярко, с легкой ноткой дыма и пряностей, так, что рот наполняется слюной. Из ломтиков бекона было сооружено что-то вроде корзиночки, и два оранжевых глазка яичницы красовались в ней, подмигивая кусочками помидора, мелко порезанного репчатого лука и зеленого перца.

— Приятного аппетита, — сказала Азора, и я взялся за вилку.

Вкусно? Нет, слишком блеклое слово. Когда я умру и боги встретят меня на Мировом древе, то там будет как раз такая яичница. Это был какой-то невероятный гастрономический восторг, торжество вкуса — я сам не заметил, как опустошил тарелку.

Но надо было выглядеть спокойным. Надо было не показывать, что у меня душа поет и пляшет от радости.

— Это просто праздник, а не завтрак, — снисходительно одобрил я.

Не хватало еще, чтобы эльфийка стала задаваться и задирать нос с первого дня.

— Я принята? — спросила Азора.

Дархан посмотрел так, словно хотел падать на колени и умолять: прими, прими ее на работу, дай ей стол и кров!

— Приняты, — ответил я. — Где живете?

Азора нахмурилась, словно я наступил на большую моль.

— Можно сказать, что нигде. Благотворительный приют Святой Марфы для иномирян.

Ну да, ну да. Плавали, знаем. Там крысы ходят как у себя дома.

— У меня есть свободная комната на третьем этаже, — ответил я, и Дархан просиял. Эта комната была прямо напротив той, которую занимал он с мальчишками. — Сходите устройтесь, и добро пожаловать на кухню.

Азора вздохнула с облегчением, и ее гордое лицо на мгновение сделалось настолько нежным и беспомощным, что у меня сжалось сердце.

— Я выпишу вам аванс, — сказал я, открыв чековую книжку. — Что ж, с сегодняшнего дня вы официально работаете в гостинице «Вилка и единорог». Поздравляю!

* * *

Азора

— Так как, говоришь, тебя зовут?

Пекка была гномкой, настолько толстой, что я удивилась тому, как легко и быстро она передвигалась по кухне. Толстые каштановые косы лежали на спине спящими змеями, традиционный клетчатый фартук мог бы спокойно служить скатертью. Пока я готовила яичницу для Фьярви, она не отрывала от меня глаз, с важным видом сложив руки на могучей груди.

— Азора, — представилась я.

Конечно, это было ненастоящее имя. Настоящее умерло вместе со мной в Благословенном краю, и я не хотела, чтобы оно воскресло. Незачем. Это никому не принесет добра. Мы с Глорией потратили слишком много времени и сил, чтобы спрятать прошлое в прошлом.

— Руки покажи, — потребовала гномка.

Я послушно показала.

Она помяла мои ладони и заявила:

— Готовься, скоро потеряют чувствительность: плиты и сковороды тут горячие. В общем, смотри. В гостинице десять номеров, не больше тридцати постояльцев, завтрак, обед и ужин по часам, но всегда есть те, кому хочется набить пузо в любое время суток. Завтрак!

Мы прошли к сверкающим металлическим столам, и я увидела домовых, которые старательно нарежали овощи. Ножи так и сверкали в их лапках.

— Завтрак подается в восемь, в шесть утра ты уже здесь. В шесть приезжают поставщики, ты принимаешь то-вар, проверяешь... И смотри, Леклер любит пакостить: ино-гда кладет мясо с душиком. На завтрак каша и яйца, тосты и ветчина, иногда кто-то просит чего-нибудь посытнее, тогда можно сделать сэндвичи. Это быстро, заготовки всегда есть.

Пекка тепло посмотрела на домовых, которые старатель-но орудовали ножами — делали заготовки для обеда. Мне показалось, что ей не хочется отсюда уходить.

— Почему увольняетесь? — спросила я.

Если здесь есть подводные камни, то лучше узнать об этом сразу. Возможно, этот Фьярви, который смотрел на меня с таким снисходительным презрением, имеет какие-нибудь скверные начальственные привычки. Я понимала, что мне, возможно, придется отбиваться. Был опыт, увы.

— Уезжаю к куме, — ответила Пекка, всем видом давая понять, что это не мое дело. — После завтрака домовые моют посуду, а ты начинаешь готовиться к обеду. Суп, закуски и салаты, второе, напитки... — Она указала на хрустальные емкости с кранами, в которые уже заложили нарезанные фрукты и залили их ледяной водой. — Домовые все наре-зают, а твоя задача, в общем-то, смешивать готовые блюда. Ты, конечно, изменишь меню под себя, но вот что запомни.

Гномка обернулась ко мне и подняла руку с вытянутым указательным пальцем.

— Это не Благословенный край, народ тут простой и без выдумки. Им бы побольше да посытнее. Конечно, совсем уж хручево подавать не стоит, все-таки марку надо держать. Но не убивайся, поняла? Этого никто не оценит.

Я кивнула.

Пекка вздохнула и продолжила:

— Я, конечно, понимаю, сегодня ты хотела понравиться Фьярви. Показать себя с лучшей стороны. Но! Если ты каж-дое утро будешь вот так делать лодки из бекона, то тебя надолго не хватит, можешь мне поверить. Не убивайся. Ва-ренные яйца без затей, гости наелись, вот и ладненько.

Я снова кивнула. Пекка уезжает к куме — что мне с ней спорить? Мое дело сейчас было очень простым: молчать, ки-

вать и хвататься за работу обеими руками. Осенью Глория пойдет в школу. До осени нам нужно окончательно освоиться, закрепиться и заработать хоть какие-то деньги. А здесь есть и стол, и квартира. Так что мне повезло. Мне очень повезло.

— На обед к нам всегда приходит Орочья десятка, — продолжала Пекка. — Не естся им в своей казарме, тащатся сюда. Но они мужики неплохие, чистые все, аккуратные. Для них не забудь запеченную морковь и грибы с чесноком и укропом. В меню не входит, но они очень уважают это и ценят.

— Просто знак внимания? — уточнила я.

Пекка вздохнула.

— Сразу видно, что раньше ты жила в другом месте, — ответила она. — И в другом сословии. Офицеры из Орочьей десятки — это те, с кем надо дружить. Я не должна класть им морковь, но орки ее любят. А мне за это хорошие чаевые — раз! Вот было дело, повадился сюда один банковский ходить да хамить, так ему орки быстро рассказали, что такое вежливость. Это два. Случись что, где лично тебе нужны мужские руки, починить там что или перетащить, выйдешь и спросишь: господа офицеры, кто поможет барышне? Это три. Мало ли кому понадобится бока намять? Это четыре.

— Понятно, — кивнула я. — Морковь и грибы с чесноком и укропом.

Насколько я успела узнать вкусы орков по короткой приютской жизни, они обожали баклажаны с чесноком. Похоже, надо будет внести кое-какие изменения в меню.

Эленвер не искал меня, он искренне обрадовался, когда мы с Глорией сбежали из его дома в чем были. Но никогда нельзя быть уверенной в том, что твое прошлое о тебе не вспомнит. И на этот случай мне нужны были друзья. А если эти друзья будут военными, еще лучше.

— Что на обед сегодня? — спросила я.

Пекка улыбнулась, развязала и сняла фартук и протянула мне.

— То, что ты приготовишь. А у меня поезд через полчаса.

Фьярви

— Это всего лишь кукла, Дархан, — сказал я.

Господин Иканори только что оплатил номер на неделю и, катя за собой огромный чемодан на колесиках, двинулся в сторону лестницы.

— Он ее всегда с собой возит. Надувает в номере, ну там потом...

Я замялся. Казалось бы, работая в гостинице, ты сможешь посмотреть на всякое, но не о всяком захочешь говорить вслух.

— У каждого свои причуды, в конце концов, — закончил я. — И не нам их обсуждать. Может, он просто очень одинок. А как он там забавляется, не наше с тобой дело.

Дархан скорчил презрительную гримасу и плюнул.

— Мерзость какая, тьфу!

Я не сдержал усмешки.

— Зато тихо. Ни шума, ни криков, ни поножовщины. Ни дерьма в рояль, прости небо. И тройные чаевые, а? Неплохо, на мой взгляд.

Через четверть часа в холл влетела разноцветная стайка местных девиц с пониженной социальной ответственностью. Шлюшки расселись на диванах, сверкая отсутствием нижнего белья под короткими юбочками. Следом вплыл трехпалубный корабль — госпожа Бьянка, хозяйка заведения с зелеными фонариками на Лесной улице. Гостиница была хлебным местом для работниц постельного труда, и я давным-давно заключил с Бьянкой договоренность: ее девушки работают у меня, она за это щедро платит, а я не пускаю сюда их конкуренток.

Ален, тощий и рыжий бармен, отправился открывать бутылки с вином: девицы госпожи Бьянки всегда сметали весь бар в ожидании клиентов.

— Мой дорогой Фьярви! — пророкотала она.

Я поцеловал ей руку, и Бьянка кокетливо стрельнула заплывшими жиром глазками — выглядело устрашающе.

Свернутые в рулет купюры, которые она вложила в мою ладонь, понравились мне намного больше.

— Эльфы, — сообщил я. — Три номера, шесть гостей. Правила повторишь?

Бьянка кивнула и, обернувшись к девицам, рыкнула:

— Так, тихо! Это порядочное место!

Девки тотчас же натянули юбки пониже и сели так, словно хотели походить на студенток во время лекции.

— Не визжать. Не драться. Не гадить. За собой смывать! — Голос Бьянки был похож на рык медведицы, разбуженной в берлоге. — Если из-за одной из вас господин Фьярви откажет нам от гостиницы, задушу нахрен! Поняли?

— Поняли, госпожа Бьянка! — пропел тоненький хор, и девицы потянулись к бару за вином.

Через час приехали эльфы. Как всегда, очень дорого одетые и с таким выражением на холеных физиономиях, словно им предложили отведать навозу на лопате — сплошное презрение к малым сим. Я встретил их за стойкой портье: замещал господина Шарля, который отпросился по семейным делам.

Заполняя листы регистрации, один из них вдруг дернул носом и спросил:

— Даравинская горчица? И авокадо?

— Что, простите? — не понял я.

Презрение на лице эльфа сменилось некоторой снисходительностью к неграмотному.

— Кажется, у вас стали прилично готовить, — произнес он. — Когда обед?

— Ровно в два часа, — ответил я и, когда эльфы отправились по номерам, тоже позволил себе принахаться.

Со стороны кухни действительно пахло впечатляюще: легко, свежо, пикантно. Запах навевал самые приятные мысли — я невольно задумался о том, как хорошо сейчас отправиться куда-нибудь на свежий воздух, на пикник, взяв с собой корзинку с поджаренным хлебом, курицей и помидорами...

Я так замечтался, что не сразу услышал негромкое:

— Извините, пожалуйста, господин Фьярви...

Это была Глория, дочь эльфийки. Она уже успела переодеться в белоснежную рубашку и аккуратные брючки и выглядела так, словно сошла со страниц модного журнала. Я невольно подумал с уважением об Азоре, которая, живя в приюте Святой Марфы для иномирян и крыс, так заботилась о девочке.

— Да, слушаю, — сказал я и протянул ей одну из конфет на стойке.

Всегда надо держать конфеты: вдруг придут гости с детьми?

Глория приняла угощение с достоинством, но без эльфийской чопорности, уважительно кивнула и спросила:

— У вас есть цветная бумага?

Я нырнул под стойку и вытащил несколько зеленых и розовых листков — когда-то заказывал в канцелярском магазине для особых объявлений.

— Вот, возьми. Зачем тебе?

Глория взяла листки и ответила:

— У мамы первый день на работе. Я хочу сделать для нее открытку на память.

Я даже умилился. Гномы вообще любят детей — и своих, и чужих, — а тут такая замечательная, славная девчушка. Где ее отец, интересно?

— У меня еще были цветные чернила и кисти. — Я снова полез под стойку и достал ящичек с карандашами, чернилами и перьями. — Бери, пригодится. А давно вы с мамой из Благословенного края?

Глория нахмурилась.

— Не очень. Но мама не любит об этом говорить. Она всегда плачет, когда вспоминает, как мы убежали от папы.

От папы убежали. Вот, значит, как. В принципе, предсказуемо. Это гномы двумя руками держатся за дом и семью. Эльфы слишком эгоистичны, чтобы ценить такие простые вещи.

— Он что, обижал вас? — спросил я.

Глория опустила голову и шмыгнула носом; мне почудилось, что в гостинице стало как-то темнее.

— Не бойся, — ободряюще произнес я. — Теперь вы с мамой у друзей, тут вас никто не обидит. Если что, сразу говори мне, поняла? Я во всем вам помогу.

Лицо девочки просветлело. Она отдала мне поклон, взяла бумагу и ящичек и ответила:

— Спасибо, господин Фьярви. Вы хороший!

— Беги, золотко, рисуй свою открытку, — сказал я, и Глория направилась к лестнице.

Вернулся Дархан, который провожал эльфов, и сообщил:

— Все, гостей отвел, предупредил, как тут надо себя вести. Вроде поняли правильно. — Он втянул носом воздух и вдруг воскликнул: — Баклажаны! Будь я проклят, если это не запеченные баклажаны!

Орки обожают баклажаны, душу за них продадут.

— Ладно, я к себе, — сказал я. Надо было поработать с документами. — Смотри, язык тут не проглоти!

Дархан сверкнул клыками, расплывшись в улыбке.

— Кажется, нас ждет такой обед, какого белый свет не видывал! — мечтательно промолвил он.

* * *

Азора

Обед я приготовила по заветам Пекки: просто, быстро и набить живот. На первое легкий суп с картофелем, рисом и пряными травами, на второе салат с запеченными баклажанами, семгой и помидорами, куриное филе в морковном кляре с домашними макаронами с маслом и зеленью и шампиньоны с чесноком для Орочьей десятки в качестве комплимента от повара. С десертом можно было не возиться: кондитерская на соседней улице пекла для гостиницы неплохие медовые пирожные.

Конечно, одно дело готовить для семьи, а другое — для постояльцев гостиницы. Замешивая кляр — мелко натертая морковь, яйца, мука, соль и перец, — я вспоминала, как стряпала на огромной светлой кухне в доме мужа. Эленвер сказал, что не будет жить во дворце с отцом, и купил для нас

дом в пригороде. Только потом я поняла, что ему не нужны были лишние свидетели.

Тогда приготовление еды было еще одним способом показать свою любовь. Берешь куриное филе, панируешь его в муке, а потом в кляре и раскладываешь в тщательно разогретое масло, такое же горячее, как твои чувства...

Я до сих пор не могла поверить, что все кончилось именно так. Если бы кто-то рассказал мне, что Эленвер, мой прекрасный принц, будет бить меня головой о стену — просто потому, что может, — я бы не поверила. Я бы рассмеялась в лицо этому человеку.

Так, теперь попробовать суп и убавить огонь. Замешать соус для салата: авокадо, йогурт, даравинская горчица и самая малость лимонного сока. Быстро собрать салат: теплые маслянистые баклажаны прямо с гриля, сладкие помидоры, очищенные от кожицы, с розовым луком и зеленью, ароматная семга слабой соли. Когда-то Эленвер обожал этот салат, а я любила Эленвера и радовалась каждому дню, проведенному вместе.

Потом мы с Глорией бежали из Благословенного края в багажном отсеке почтового экипажа, и одной рукой я обнимала мою девочку, а другой зажимала рану на голове и не верила, что нам все-таки удалось спастись. Что мы все еще живы.

— Два часа, — сказала я, стараясь успокоиться и подавить волнение. — Разносите еду!

Домовые тщательно вымыли лапы и взялись за тарелки и подносы. Я приоткрыла дверь, отделявшую кухню от большой столовой, — гости уже рассаживались за столы, улыбались, ловили ароматы. А вот и Орочья десятка. Я никогда не видела таких высоких и широкоплечих орков — все в форме, вошли ровным строем.

Я услышала, как один из них произнес:

— Прокляни меня небо, если это не баклажаны!

Домовые разнесли тарелки, и начался обед. Я смотрела на гостей, смущенная и испуганная, и не верила, что они это едят. И им даже нравится! Да, нравится!

На мгновение я почувствовала себя маленькой девочкой — той Азорой, которая когда-то испекла свой первый

пирог и принесла его родителям. Отцу не понравилось. Нет, пирог-то он съел с удовольствием — ему пришлось не по душе сам факт того, что дочь эльфийского князя что-то готовит, ведь для этого существуют поварихи и слуги. А мама одобрила: она сказала, что нужно уметь делать все, а потом добавила, что не приведи боги все делать самой.

Орки ели молча. Потом один из них, судя по погонам, гранд-майор, поднялся, вытер губы и, швырнув салфетку на пол, потребовал:

— Повара! Повара сюда! Прокляни меня небо, Пекка так не готовит! Кто стряпал, выходи!

Требование гранд-майора поддержали аплодисментами. Остальные орки тоже поднялись и дружно топнули об пол.

Я вытерла совершенно сухие и чистые руки, подумала, что с них станется сейчас съесть и меня, и вышла в столовую.

— Я Азора, повар. — Голос куда-то делся от волнения, и вместо гордого тона у меня получился тихий робкий лепет. — Пекка здесь больше не работает.

Орки шагнули ко мне дружным строем, в ту же минуту меня подхватили на руки, усадили на чье-то плечо и понесли по столовой.

Я испуганно схватилась за орка, и он тотчас же утешил:

— Не бойся, краса, не уроню.

— Азоре — ура! — отрывисто приказал гранд-майор.

И орки дружно грянули:

— Ура! Ура! Ура!

Остальные гости дружно зааплодировали. Я видела, что все тарелки пусты, а все лица — довольны обедом.

— Славной поварихе — ура!

— Ура! Ура! Ура!

Орочьи голоса грохотали так, что я испугалась, как бы в столовой не вылетели стекла. Орки топали и хлопали, меня торжественно прокатили по столовой, и, когда, наконец, опустили на пол, я чувствовала, что у меня подкашиваются ноги от волнения.

Гранд-майор, чуть ли не смущаясь, пожал мне руку и произнес: